

А. В. Гордон

Я. В. СТАРОСЕЛЬСКИЙ

и ЕГО ПОДХОДЫ К ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

Политическая наука.

2004. № 1. С.183–188.

Текст статьи предоставлен для сайта Александром Владимировичем Гордоном и публикуется в авторской редакции ©

Яков Владимирович Старосельский – представитель того поколения ученых, которые пришли в науку вместе с Октябрем 1917 г. и своей научной судьбой соединили исторический опыт революции XVIII в. с революционным опытом России XX в. Я.В.Старосельский сыграл видную роль в становлении и развитии советской историографии Великой французской революции. Он входил в число ее основателей, будучи одним из тех, кто придал этой отрасли исторического знания в СССР ее основополагающие черты.

Я.В.Старосельский был хорошо подготовленным марксистом, и этим он заметно отличался от тех ученых 20-х годов, чье владение марксизмом ограничивалось знанием основных работ классиков, важнейших цитат, постулатов о классовой борьбе. Глубокое освоение марксизма в сочетании с широкой политической культурой позволяли ему творчески использовать и диалектику Маркса, и ленинские приемы анализа политической ситуации.

Я.В.Старосельский занимал особое место и среди историков-марксистов. Для своего времени его труд по истории Великой французской революции являлся редким образцом законченного междисциплинарного исследования. Будучи юристом по образованию, Я.В.Старосельский разрабатывал то направление исторической юриспруденции, которое приобрело права гражданства в отечественной науке лишь в 90-х годах XX в. Оставаясь верным классовому подходу, Я.В.Старосельский соединил его с институциональным анализом, создав одно из первых историко-политологических исследований, предвосхитившее соответствующие разработки зарубежной историографии переломных в ее эволюции 60-х годов.

Я.В.Старосельский был одним из немногих ученых первого советского поколения, кому удалось довести работу над историко-революционной проблематикой до полноценного монографического исследования. Депонируемая в ИНИОН рукопись «Борьба за народоправство в буржуазной демократии» представляет первую часть всей работы и посвящена начальным этапам Великой французской революции (1789-1792 гг.). Вторая часть, охватывающая 1793-1794 гг., была опубликована в 1930 г. в виде книги «Проблема якобинской диктатуры».

Книга Я.В.Старосельского стала значительным явлением в советской историографии Великой французской революции. Все историческое значение революции XVIII в. сосредоточено у Старосельского вокруг вопроса о диктатуре; в одержанной победе «классово-диктаторских методов» над «формально-демократическими целями» он усматривает движение, пусть непоследовательное и незавершенное, к «демократии более высокого типа». Диктатура превращается в высшую историческую инстанцию. Нет, это не власть ради власти, диктатура не самодовлеет; наоборот, ее ценность – в революционных возможностях преобразования общества. Но при прочтении книги трудно отделаться от впечатления, что для автора система диктатуры совпадает с преобразуемым социальным порядком, с самим обществом. Так, вопрос о генезисе коммунизма становился вопросом о характере коммунистического общества.

Старосельский искренне верил в демократические свойства революционной диктатуры и наиболее ценную часть своих исследований посвятил развитию в ходе революции XVIII в. политической самоорганизации на низовом уровне, формированию органов «народной диктатуры» в виде обновленного местного самоуправления, проследил и положительно оценил попытки «прямого народоправства». Секции Старосельский назвал «институтами прямого народоправства», а их создание – «наиболее революционной и демократической акцией» в ходе революции. Политическая система диктатуры, в понимании Старосельского, своим генезисом и важнейшими чертами явилась организацией массового народного движения.

Тем не менее логическим центром книги оказываются главы (4 и 5), где якобинская диктатура характеризуется с позиций ленинского учения о правящей партии. Старосельский приходит к выводу, что революционеры XVIII в. смогли создать подобную руководящую силу: «буржуазной революцией с осени 1793 г. более или менее управляла партия – народные общества или клубы». Правда якобинцам не удалось укорениться в «толщах трудящейся массы», их организация оказалась сведенной к идеологическому и административному аппарату. К тому же возникли проблемы классового подбора кадров, нерешенность которых помешала якобинской «партии» стать «по своему персоналу авангардом революционного класса», «плотью и кровью от трудовой мелкой буржуазии». И все же «величественное здание якобинской диктатуры» – то главное, что оставила после себя революция XVIII в.

Замечательно, что социальную природу революционной диктатуры Старосельский учитывает только с точки зрения эффективности государственного управления. Он повторяет общие места «экономического объяснения» (в духе оценок «бешеных») о том, что якобинская политика «безнадежно застревает в пределах вульгарного анти-капитализма» и, «будучи, как всякое народное революционное движение движением прогрессивным, якобинская диктатура экономически реакционна». И остается непонятным, зачем понадобился столь изощренный анализ достоинств и несовершенства якобинской организации, если она из-за своего «анти-капитализма» и «экономической реакционности» изначально и фатально «таила в себе необходимость собственной гибели».

Напрашивается объяснение, что ученый не только декларировал «поучительность» опыта якобинской диктатуры для «пролетарской революции», но и пытался эту «поучительность» раскрыть. Тогда встают на свои места страстное отстаивание превосходства однопартийной организации над парламентской системой и «материальной демократии» в виде классовой диктатуры над «формальной демократией». Установки о «классовом подборе аппарата», его «однородности» станут понятными как озабоченность сохранением пролетарского лица правящей партии, а тезисы о партийном руководстве государством – как предостережение об угрозе диктатуры чиновников.

Многозначительны рассуждения Старосельского о «личной диктатуре» и терроре. В ситуации активно внедрявшегося «культы личности» он писал о «техническом» значении того обстоятельства, управляется ли государство коллегиально или единолично. А в преддверии начинавшихся массовых репрессий заставляют задуматься соображения, что террор должен подчиняться определенной системе, теории, быть классово «целесообразным» и тогда репрессированных будет меньше, а главное, их не будет среди «своих».

Необходимость и возможность подчинения революции принципу целесообразности в виде сознательной воли, которая руководствуется мудрой политической теорией – вот суть подхода Старосельского. Французский историк левых взглядов из круга Матьеза Жерар Вальтер, обстоятельно изложив и проанализировав книгу², пришел в свое время к выводу, что Старосельский стал пионером в систематизированном исследовании организационной структуры якобинской диктатуры. Можно добавить, что и само понятие «якобинская диктатура» появилось в мировой науке благодаря советским работам 20-х годов (его предшественниками и заменителями были либо нейтрально-традиционное «революционное правительство», либо pejоративное «террористический режим»). Они же, вместе с работами Матьеза, обозначили переход в историографии от представлений об якобинской «аномалии», «вывихе истории» к выявлению исторических предпосылок революционной диктатуры и социальной обусловленности ее политики.

Вместе с тем восприятие среди отечественных историков было неоднозначным. Можно говорить об определенном недопонимании новаторского подхода ученого и в послевоенный период. Даже в 60-х годах этот подход казался моим старшим коллегам и мне слишком схематичным. Когда в 1961-1962 гг. автор этих строк начинал работу в аспирантуре Института истории АН СССР над кандидатской диссертацией «Установление якобинской диктатуры», мы с научным руководителем А.З.Манфредом обсуждали вопрос о том, какой должна быть будущая работа. Вспоминается, что сошлись мы в одном пункте: она не должна быть «как у Старосельского».

Тем не менее именно в 60-х годах, на волне реабилитации ученых, репрессированных при И.В.Сталине, и именно в Институте истории был поставлен вопрос об издании рукописи «Борьба за народоправство в буржуазной демократии». К тому времени рукопись имела уже собственную драматическую историю, в которой запечатлелась трагедия жизни ее автора. В 1930 г., очевидно из-за большого объема, депонируемая часть осталась неизданной. В 1931 г. Я.В.Старосельский был (эти сведения следует уточнить) репрессирован по делу М.Н.Рютина, а когда по болезни вернулся в 1948 г., он не нашел оставленной другу рукописи, что стало одной из причин самоубийства ученого.

Не могу сейчас сказать, где и как была обнаружена рукопись, но в Институт ее представила вдова ученого. Как я предполагаю, это была известная исследовательница истории науки в эпоху Великой французской революции О.А.Старосельская-Никитина (в 30-х годах О.А.Старосельская). Знаю, со слов Н.Л.Денисовой, исполнявшей секретарские обязанности в секторе истории западноевропейских стран Института истории, что в конце 1963 г. они с Г.С.Чертковой считывали уже перепечатанную рукопись монографии «Борьба за народоправство в буржуазной демократии». Оригинал, по свидетельству Н.Л.Денисовой, включал несколько переплетенных машинописных частей, заметно пострадавших от времени и неблагоприятных условий хранения, но вполне пригодных для чтения. Качество перепечатки было хорошим, и внесенная при считывании правка, по тому же свидетельству, сводилась в основном к расстановке «аксанов» (т.е. уточнению французской орфографии) и незначительным уточнениям библиографического аппарата (например Мортимер-Терно вместо М-Т), который остался в неудовлетворительном состоянии.

Разумеется, издание монографии Я.В.Старосельского требовало значительной дополнительной работы. В середине 60-х годов В.М.Далин предложил мне подготовить рукопись к печати. Завершая диссертационное исследование (и к тому же работая в штаб-квартире у режиссера – ФБОН), я не мог немедленно приступить к этому делу. А вскоре с наступлением известного периода «застоя» вопрос об издании отпал.

Второй (или, точнее, с 1930 г. уже третий) раз вопрос об издании рукописи «Борьба за народоправство в буржуазной демократии» встал в Институте всеобщей истории АН СССР при разработке издательского плана, приуроченного к 200-летию Великой французской революции. Рукопись была передана Е.М.Кожокину, который, однако, не успел подготовить ее в срок. А после 1989 г. обстановка для издания рукописи, в связи с ростом антиреволюционных настроений и финансовыми трудностями научных издательств, вновь оказалась неподходящей.

Рукопись Я.В.Старосельского хранилась с 90-х годов сначала у М.Я.Гефтера, а затем у скончавшейся в ноябре 2001 г. многолетней сотрудницы Института всеобщей истории Галины Сергеевны Чертковой, которой Михаил Яковлевич и поведал драму рукописи. Весной 2001 г. Галина Сергеевна, зная о роковом диагнозе, поставленном ей врачами, попросила меня сделать исследование Я.В.Старосельского достоянием ученых. Я обратился к Ученому совету ИНИОН РАН, и 4 апреля 2002 г. было принято решение о депонировании многострадальной рукописи с приложением данного послесловия.

Как я убежден, рукопись «Борьба за народоправство в буржуазной демократии» представляет бесспорный интерес и к тому же с различных точек зрения. Безусловно, прежде всего – это яркий документ своего времени, запечатлевший особенности мировосприятия своеобразной научной среды и исторического сознания формировавшегося советского общества, как они преломились в творческой мысли незаурядного интеллектуального представителя этой среды и этого общества. Рукопись можно считать и важным историографическим памятником раннего этапа советской историографии Великой французской революции.

Вместе с тем, работа Я.В.Старосельского «Борьба за народоправство в буржуазной демократии» заслуживает внимания не только с историко-ментальной или историографической точки зрения. Она значима выявлением многосторонней связи между революцией и демократией. Ее актуальность – в раскрытии исторического многообразия форм и противоречивости самого процесса утверждения политической демократии.

Центральное место в исследовании Я.В.Старосельского заняли произошедшие в ходе революции XVIII в. изменения в системе власти и главное – создание новых властных институтов. Я.В.Старосельский был далек от того, чтобы изображать возникавшую революционную власть одним цветом; и в характеристике ее социальной природы он, наряду с «буржуазной демократией», отличал то, что может быть названо демократией в буквальном смысле слова, т.е. «власть народа», которая ассоциировалась с привлечением к политическому процессу наиболее массовых слоев населения. Посвящая свою работу «борьбе за народоправство», Я.В.Старосельский подразумевал под этим институциональное закрепление сопровождавших политический переворот во Франции и составлявших основную движущую силу революционного процесса массовых социальных движений – выступлений городских низов и крестьянских восстаний.

Не сомневаюсь, что депонируемая рукопись найдет своего читателя, а когда-нибудь и издателя.

Примечания

1. *Старосельский Я.В.* Борьба за народоправство в буржуазной демократии / РАН ИНИОН – М., 2002. Ч.1. С.1–474; Ч.2. С.475–924; Ч.3. С.925–1329. – Деп. в ИНИОН РАН 25.04.02. № 57184.
2. *Walter G.* Le probleme de la dictature jacobine // *Annales historiques de la Revolution Francaise*. 1931. № 48. P.515-529.